

Камель ЖУНИСТЕГИ

ВОЖАК

Повести и рассказы

АУДАРМА баспасы

ББК 84 (Каз-Рус) 7-44

Ж 89

ВЫПУЩЕНА ПО ПРОГРАММЕ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ И ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Камел Жунустеги.

Ж 89 **Вожак. Повести и рассказы.**
Перевод с казахского *З. Булановой.*
Астана: Аударма, 2008. – 480 стр.

ISBN 9965-18-228-0

Включенные в книгу повести и рассказы “На камнях Коксенгира”, “Вожак”, “На крыльях мечты”, “Гибель серого”, “Быстроногий”, “Судьба скакуна” и другие хорошо известны широкой читательской общественности и свое время получили положительные отзывы литературных критиков. Жизненные ситуации, возникающие из взаимоотношений человека и бытия, из реалий сегодняшних дней является основным лейтмотивом повестей и рассказов писателя Жунустеги Камель.

Ж $\frac{4603010000 - 241}{00 (05) - 08}$

ББК 84 (Каз-Рус) 7-44

ISBN 9965-18-228-0

© Жунустеги К., 2008

© Издательство “Аударма”, 2008

ПОВЕСТИ

НА КАМНЯХ КОКСЕНГИРА

Тихо на вершине горы Коксенгир, только нет-нет да прошумит лёгкий ветерок. Вокруг, куда ни глянь – ни души, ни отпечатка копыт, если не считать резко уходивших вниз следов, буквально вчера оставленных пробежавшими здесь косулями. Испокон века сюда не ступала нога человека, ни разу не коснулось этой земли копыто коня и потому этот дивный уголок природы оставался нетронутым, сохраняя и оберегая свою первозданную дикую красоту. Непреодолимые косогоры и перевалы, плотные утёсы и скалы, густые сосновые заросли, тальник и тополя, смешавшиеся с кустарником шиповника, создавали непролазную чащу. А вон, вон на этой полянке полощутся на ветру, путаясь меж собою колосья ячменя, напоминая озёрную гладь, побеспокосную ветреной погодой, когда на одну волну накатывает другая, а за ней спешит следующая.

Округа в нежной дрёме. Давящая тишина сегодня как никогда беспокоила Еркебека. Неизвестно почему, но сердце его то вдруг всколыхнётся, то застучит часто-часто и неожиданно затихнет. И от чего бы это так, ведь давно не юноша, поджидающий девчонку в условленном месте, такое свойственно в наивную ребяческую пору. Пролетела и молодость, да и одиночество ему давно не в тягость. Скрываясь от людей, он давно сжился с этим краем, горы он выбрал в друзья, а мир птиц заменил ему сестёр. За это время закончилась и жестокая, кровопролитная война.

Одиночество для него уже привычно. Вот только почему же всё-таки сердце сегодня взволновано? Со стороны донёсся шорох. Краем глаза он заметил, как по тропинке

уходящей вверх, пробирался барсук. Поднявшись, он будто бы увидел свою долю, оставленную специально для него. Яростно вырывая корневища трав, он тут же с треском и хрустом поедал их. Ему и невдомёк, что на расстоянии брошенного камня есть человек, так и вертит хвостом, ничего не замечая.

– “Ну вот, теперь нас двое”, – подумал Еркебек.

Ему интересно было наблюдать и за тем, как барсук работал челюстями, с хрустом разгрызая стебли трав и за его вихляющим из стороны в сторону круглым телом. Эх, погладить бы такого, он едва протянул руку, чтобы прикоснуться к спинке зверька, но тут же отдернул. Как бы ни выглядел беспечным степной обитатель, этою ему было достаточно. Взгляд барсука встретился со взглядом человека. Вытаращенные от страха глаза полезли на лоб и он, опрокинувшись на спину, покатился вниз, несколько раз перевернувшись через себя. Чудом оставшись в живых он, словно споткнувшийся человек, вновь вскочил и заковылял прочь.

Из-за камня со стрекотом вылетела сорока. Продолжая громко стрекотать, словно кто-то разорял её гнездо, она то перелетала с ветки на ветку, то вновь взлетала. Вдруг раздался звук, как если бы что-то упало. И сорока, резко и коротко пискнув, улетела.

“Наверно, лиса. Потревоженная трескотней сороки, она и сорвалась с места, – сделал вывод Еркебек. – Жаль, не попала ты ей в лапы”.

Острые вершины скал и утёсов, устремлённых к синему куполу неба, слегка прикрыты голубой дымкой тумана. В ряд выстроенные камни, точно укрытые занавесом, напоминают приданое невесты. А дальше – бескрайняя степь, переливающаяся различными оттенками марева. К востоку, за холмистой местностью, окутаны мглой горы Айгырушкан. Чуть южнее – Катпарлы, на западе Аюшат, а с северной стороны Наротпес. Да, и всё это стало родиной Еркебека с тех самых пор, как он сунулся сюда в поисках пристанища и пищи. Здесь он пережил и радости, и горечь одиночества.

В кустах тальника заблеял ягнёнок. В его сторону направлялась косуля с двумя козлятами. Он с сожалением вспомнил, что на звериной тропе к водопою он установил капкан.

– Как жаль! И надо же сй идти именно туда, ведь на погибель идёт, – пробормотал Еркебек.

Уже несколько дней добыча обходила его стороной, но сегодня желания поймать именно эту козу у него не было, хоть он и был голоден. Выскочивший на вершину холма козлёнок отвлёл вниманиис козы и изменил сё направление, отводя от капкана.

Он давно убедился, что с высоты горы Коксенгир можно охватить взглядом все ущелья и заступы, ни одна душа не пройдёт незамеченной. Разыскивающие могут взять его, если только нсожиданно окружают со всех сторон, да и то не раз обдумавший план своего спасения, он был уверен, что успеет незаметно соскользнуть с камней вниз и, преодолев все ущелья, скрыться от преследователей. Подножье горы напоминало глубокую каменную тарелку объёмом с двенадцатирешётчатую юрту, наполненную водой. Пей от души. Всем хватит. Поднявшаяся до краёв она и не проливалась, и не уменьшалась и, словно налитая в пиалу из карлена¹, оставалась чистой и прозрачной.

Из-за того самого валуна, откуда недавно вылетела сорока, что-то блеснуло, попав в лучи солнца, и погасло. Как бы кто-нибудь не сидел там, наблюдая в бинокль, подумал Еркебек, не спуская с того самого места глаз. Но больше ничего тревожного он не увидел.

– Э, и что же это было? – спросил он сам себя и тут же успокоил – Показалось. У страха глаза велики, а пуганая ворона, говорят, и куста боится, вот и я не лучше сё.

Одно плечо горы Коксенгир вытянулось на приличное расстояние, словно белогривые морские волны, превратившиеся в толщу льда, застыли в виде тёмно-бурых камней, нависая над зимовьями. Еркебек давно приметил в этих краях гнездо пары беркутов и с интересом присматривался к их взъерошенным птенцам. Беркуты поочерёдно носили в гнездо добычу и, подкармливая потомство, не ведали ни устали, ни отдыха. Сегодня эти беркуты тоже здесь, на этой звенящей и пронзительной высоте. Покидать гнездо вроде бы ещё не время, ну, а если

---

¹ Карлен – высокосортный фарфор.

они обучают птенцов стать на крыло, то почему же их нет рядом с ними? Что бы всё это значило?

А как прекрасен зацепившийся за горную породу и разросшийся можжевельник. Поляна густых, переплетённых зарослей этого растения напоминает яркую накидку, наброшенную на плечи горного хребта Коксенгир.

И среди этих зарослей можжевельника как купол юрты выступает камень. Никто и не ведает, что именно под этим камнем несколько лет назад Еркебек обустроил себе жильё. Хоть пройдишь по нему, толстые ветви можжевельника так искусно переплелись, прикрывая вход, что не так-то просто догадаться. Да, это и есть пристанище Еркебека. Что его прозвали кашкын¹-беглец, он узнал от своей женге², и что аулчане теперь опасаются его. Да разве же он хотел, чтобы его называли этим проклятым прозвищем. Эх, жаль и досадно...

Да, многих прикрыла и спасла гора Коксенгир. Ещё во время русско-германской войны, когда царь стал призывать на службу и казахов, вот здесь-то и скрылись те, кто уклонился от службы. Умрём, так хоть на своей земле, решили они. Многие из них сегодня уже старые, доживающие свой век старики. Но какая большая разница между теми беглецами и им. Они уходили в горы группами, толпами и при этом не прерывали связи с людьми, со своим народом: днём в горах, а под покровом ночи спускались к селениям, к домам. А он один. Одиноким может быть только Всевышний, – говаривал его отец.

Кстати, отец. Ведь когда-то именно он показал ему гору Коксенгир, именно он водил его по ущельям и высотам, и вот этот самый камень с пещерой показал ему отец. Еркебек был тогда всего лишь двенадцати-тринадцатилетним подростком. Поднявшись на этот самый каменный купол, что затерялся в зарослях арчи, отец кричал вперёд ушедшему сыну:

– Эй, балам! Я сейчас спрячусь вот здесь, а ты пока отвернись. Если отыщешь, проси что хочешь.

– Раз, два..., – начинал считалку Еркебек, – одиннадцать... всё, отец, иду искать, – предупреждал мальчишка.

---

¹ Кашкын – беглец.

² Женге – жсна старшего брата.

Долго искал. Думая, что отец, возможно, незаметно скрылся на другой стороне склона, он, взбираясь почти на каждую вершину, внимательно просматривал округу. Не пропустил ни одного ущелья, ни одного закутка, обошёл все камни. “Япырай, неужели он обманул меня”, – подумал мальчишка, взбираясь на ещё одну вершину.

– Аке, – позвал он, чуть ли не плача.

– Кокек, – отозвался какой-то звук.

“Неужели мне послышалось?”, – подумал он и позвал отца опять. Но как и в первый раз, ему вновь откликнулось: “Кокек”.

То, что это был голос отца мальчишка теперь не сомневался. И доносился он со стороны той самой небольшой площадки – каменного купола. Да, вот только там он и не искал его. Но где же он все-таки, а? Вдруг отец превратится в сказочного волшебника?

В конце концов отец сам показался из своего укрытия.

Ни Еркебек, тогда ещё ребёнок, ни отец даже и предположить не могли, что когда-нибудь это каменное ущелье долгие годы будет служить в роли пристанища. Может ли отец знать сегодня об этом и сердиться на судьбу за то, что сын его, став заложником камней Коксенгира, годами влачит своё одиночество.

Мешкей,¹ какое нелестное прозвище. Беглец... Что хорошего в том, что ты родился дома, а жизнь провёл в скитаниях. Собачья жизнь. В чём смысл сущности твоей, если остерегаться и вздрагивать от суетливо взлетевшего стервятника или неожиданно схоронившейся совы. Даже у зайца, преследуемого собакой, и то есть шанс схитрить, увернуться во имя спасения, а куда деваться ему, беглецу, где приткнуться, к кому пойти? Бедняга сорока и то может смело оставить узор следов на снегу, а тут и этого не дано. Живой призрак, невидимая тень. Зайдёт ли он в пещеру, выйдет ли, никакой разницы. И зимой и летом осторожно ступая с камня на камень, хоронясь от посторонних глаз, украдкой возвращается к месту ночлега.

Не было дня, чтобы он, ничего не боясь, расслабился. Вот и сегодня, он как всегда настороже, не донесётся ли какой звук, не раздастся ли какой шорох. Его назойливо

---

¹ Мешкей – обжора, ненасытный, (нелестное прозвище).

беспокоила одна и та же мысль – мысль о Санжан, девушке, которую он насильно привёл сюда и сам же добровольно отпустил. И зачем же он всё-таки привёл её сюда и опять-таки, почему выпустил из этого каменного заточения? Одним словом, всё так непонятно, всё так сомнительно.

Хоть и облюбовал он Коксенгир убежищем, а спокойной жизни не обрёл. Сколько раз нападали на его след те, кто разыскивал его. А однажды его чуть было не обнаружили.

...Короткий летний рассвет. Лёгкое дуновение ветерка. В густых зарослях неожиданно заревел медведь. Он и раньше не раз слышал от взрослых, что они водятся в этих краях. И теперь вот, хоть пока ещё и не увидел его, а рёв услышал прекрасно. Стоявший на привязи у большого дерева его конь Актанкер, наострив уши, дрожал. Даже вспотел, как на скачках.

– И откуда взялась эта напасть, как бы он не загубил моего единственного коня, – бурчал себе под нос Еркебек, поглаживая круп животного и похлопывая его грудь. Почувствовав тепло рук хозяина, конь тут же успокоился, задышал ровнее и стал пощипывать траву.

Прицелившись, он дважды выстрелил в ту сторону, откуда доносился рёв медведя. Он просто рассчитывал на то, что, испугавшись свиста пуль, зверь покинет это место. Обычно быстрый летний рассвет показался вечностью. Дожидаясь, когда же луч солнца протянет свою яркую дорожку с запада на северную сторону и дальше к востоку, он терял терпение.

Едва забрезжил рассвет, он повёл Актанкера к каменному корыту. Побрызгал, освежил ему холку водой, дал вдоволь напиться и направился к кустам зарослей. Вдруг конь напрягся, наострив уши. Раздался слабый свист, и в предрассветной мгле он едва разглядел тёмный силуэт человека. Сильно хлопнув Актанкера по крупу, он отпустил его, а сам бросился в противоположном направлении. Отойдя, не спускал взгляд с коня и того самого злополучного места. Словно поняв мысли хозяина, умный конь не выдавая его, спокойно направился к тем же зарослям и, обойдя их, пошёл дальше.

Совсем рядом неожиданно появился ещё один силуэт. Тогда он понял, что рыскавшие в поисках его, окружили со всех сторон. Извиваясь как змея, Еркебек едва добрался

до края каменной чаши, полной воды. Оглянувшись по сторонам, он закусил сорванную по пути тростинку и нырнул.

Вода ледяная. Несмотря на темноту, он всё же нащупал под камнем лаз, который сотни раз изучил ещё раньше, залезая в воду. Эта пещера была небольшая, зато располагалась повыше, что позволяло, изредка высунув голову, отдышаться.

Рассвело. Луч света, пробившийся сквозь трещины и щели камней, достаточно хорошо осветил пещеру. Кто-то направлялся сюда. По камням громко отстукивали набойки сапог. Шаги приближались. Вот кто-то подошёл совсем близко и вдруг остановился.

– Подойди сюда, – позвал он, видимо друга. – Закурить есть?

– Да у меня же махорка, есть ли газета?

– Какая разница! Хоть кизяк бараний, только давай поскорей. У меня со вчерашнего дня маковой росинки во рту не было. В поисках какого-то беглеца и сами скоро сгнем.

– Успокойся, Камаш. Если бастык¹ услышит об этом, ещё упрекнёт, дескать “ищите не так, как надо”.

– Эй, Аман-ай, смотри, ноги-то как натёрли. Как слышали вчерашние выстрелы, так всю ночь и рискуем в этих краях. Я даже чуть было в пропасть не свалился, когда нога соскользнула.

– Да-а, горы высокис и крутые. Я тоже прилёг немного отдышаться, а то сердце застучало и дыхание перехватило от нехватки воздуха. Глянь, сколько вокруг островерхих скал, одна выше и острес другой. Да здесь не то что животнос, человеку и то не добраться. Разве отыщем мы здесь Еркебека? Может быть, если только плотным кольцом окружить горы?

– Ну и скажешь же ты, – усмехнулся Камаш. – И кем бы ты хотел окружить эти огромные вёрсты вокруг гор? Да ещё заросли какие, смотри...

Какое-то время оба сидели молча. Было слышно, как, зевая, они прилегли прямо тут же на камне. А вскоре и вовсе уснули. От холодной воды у Еркебека заныли ноги.

---

¹ Бастык – начальник, руководитель.

С трудом отыскав небольшой выступ, он оперся об него спиной, а ноги поднял к противоположной каменной стене, хоть немного облегчив таким образом положение.

С восходом солнца вода в каменной чаше потеплела и ноги немного отогрелись. В неудобном положении тело онемело и он, опять взяв в рот тростинку, прилёг, где воды было чуть помельче. А дышать в тонкую трубку оказалось не так легко и просто, особенно выдыхать воздух. Распрямив уставшие руки-ноги, он сел, приподняв голову. Этот перевёрнутый купол камня, скрывавший его от чужих глаз, сейчас служил ему ещё приютом и убежищем. А эти двое хоть и не совсем хорошо видны ему в расщелину камня, зато слышит он их ясно.

Кто-то откашлялся. Затем он услышал:

– Эй, чего это ты там разглядываешь? – голос явно принадлежал Камашу. Еркебек это сразу признал.

– Рано поутру мой нос учуял запах свежего конского навоза.

– И ты теперь в бинокль выискиваешь его? – с насмешкой спросил Камаш. – Неужели ты надеешься отыскать тот навоз в этой горной породе?

– Да нет же. Напрасно это.

– Напрасно, говоришь... гм. Лучше понаблюдай за нашими двумя путниками, что они там делают? А то гляди, пока мы здесь дрыхнем, как бы этот беглец их на тот свет не отправил.

У Еркебека, услышавшего эти слова, кровь ударила в виски. “Эх, какие же вы”, – стиснув зубы, с обидой подумал он. Ну и что ж, что он беглец, зато он никому не причинил зла. Не зря говорят, волк хоть ел, хоть нет, а пасть его всё равно в крови. В какой-то миг ему даже захотелось выскочить и неожиданно предстать перед этими ничего не подозревая, сидевшими здесь. Ну а потом... а вдруг эти двое используют оружие или, допустим, не успеют? Ладно, тогда он отберёт его у них, ну а дальше что с ними делать? Убить? За что? Нет-нет! На такое Еркебек не пойдёт. Или побьет их, допустим, но что ему от этого? Наоборот, только обнаружит своё убежище, после чего и поиски усилятся. Уж лучше лежать тихо и слушать, что они скажут ещё.

– Эй, а по-моему этот Еркебек был здоровый и крупный, да? – начал разговор Аман. – Я видел его как-то раз ещё до войны.

– Уж не хочешь ли ты с ним побороться? – опять продолжает доставать друга Камаш. – Да ты и сам не хуже его, вон телосложение какое. А он теперь уже как-никак всё равно слабее нас двоих. Рост метра два, плечи кося сажень. Не хотелось бы столкнуться с таким лицом к лицу да ещё с пустыми руками.

– А почему бы нам не следить за ним по ночам, – упавшим голосом спросил Аман.

– Чего? Хочешь, чтобы он видел, кто из нас, где и с какой стороны идёт, на каком камне сидит, чтобы словить нас как глухих куропаток в силки?

– А? – громко воскликнул перепуганный Аман.

– Да, точно. И пуля его нас не нашла только потому, что мы схоронились вот за этим камнем, на котором мы сидим. А то бы...

– Эй, вечереет уже, может, начнём спускаться, – предложил Аман.

Тут же раздался звук спускавшихся по камням шагов. Вскоре они стали медленно стихать. Еркебек, до сих пор сидевший прицепившись к краю каменной глыбы, долгим и пристальным взглядом оглядел округу. Ему не верилось, что он остался жив. Вылез. Первым делом выжал мокрые вещи, затем, убедившись, что за ним теперь никто не наблюдает, добрался до убежища, развёл огонь и всю ночь отогревался. Назавтра у него поднялась температура, и он пролежал три дня. “Как хорошая собака, что не покажет своей смерти”, – сердился он на себя. Но смерть обошла его.

В этот раз Еркебек начал наблюдение за окрестностью с раннего утра, поднявшись на одну из самых высоких вершин Коксенгира. Время уже перевалило за полдень, и он захотел есть. Но как назло, сегодня и баклажка с водой осталась в пещере. Во рту пересохло, язык к нёбу прилипает. Не утерпев, вернулся в убежище. Обычно он вёл наблюдение до обеда. Во второй половине дня старался отдохнуть, отлежаться. Сегодня же, потеряв покой, он вышел, прихватив с собой чёрный чайник с остатками чая.

Подходя к своему сторожевому пункту, Еркебек вновь заметил, как в лучах солнца в стороне займки опять что-то блеснуло. Насторожившись, он разволновался, думая, что же это? Но, вскоре заметив летевший на высоте самолёт, успокоился, решив, что это его отсветы.

Там же в небесной сини, до сих пор парила та же пара беркутов. И отчего они так рано взялись обучать птенцов лёту? А вот появилась и та самая косуля с двумя козлятами, что недавно чуть было не попала в капкан. Она зашла в непроходимую чащу зарослей и вроде бы направилась к дереву Акима, но, не доходя, свернула. Значит, её что-то испугнуло.

Крикнуть? Бесполезно. Эхо передразнит тебя, ударяясь раскатами об эти застывшие камни, путаясь в шорохе трав да теряясь в сорочьем стрёкоте. Видимо, ему теперь суждено слушать только эти звуки природы. Эх, жизнь, да пусть хоть земля разверзнется под тобой, но лучше быть с людьми, оставаться в кругу друзей и знакомых.

А ведь и он когда-то мечтал и хотел любить красавицу, окунуться в семейное счастье. И образом его мечты была Гульжахан. Теперь от неё ни ответа, ни привета. В какой-то степени к его сегодняшнему состоянию причастна и Гульжахан. Тонкие сети судьбы сплелись на его шее руками той девушки, и он оказался вот тут. Хотел обнять необъятное. И её не сберег, и сам остался за порогом жизни. Вместо подушки – камень, а одеяло – покрывало из снега.

* * *

И отсчёт этой несчастливой поры его жизни начинается за много лет до войны. Тогда он, как и многие его бедные земляки, трудился в колхозе Сарышокуы, чтобы хоть как-то продержаться. Было Еркебеку тогда чуть больше двадцати. Работал арбакешем¹. Его состояние ничем не отличалось от двух закреплённых за ним быков. День ли, ночь ли – работали и работали. Пережили голод, надорвали здоровье, и сегодня на нём нет живого места, всё в шрамах, всё побито, всё болит и ноет. Основную работу тянули чуть подросшие, с едва пробившимися усами крепкие

---

¹ Арбакеш – извозчик.

пять-шесть парней. И никогда не роптали они по поводу усталости от перевыполненной работы или лишних поручений и заданий. А заработки настолько мизерны, что и голода не утолить. Но он и на это не обращал внимания.

Веря, что вносит вклад в улучшение жизни людей и, стараясь сделать сегодня больше чем вчера, он даже выпустил из виду и молодость свою, и то, что рядом с ним были уже повзрослевшие девушки. Однажды на одной из узких улиц в десять домов, он неожиданно встретился с Гульжахан. Уставившись на смущённо прошедшую девушку, он будто бы что-то потеряв, долго оглядывался ей вслед. Она показалась ему знакомой. Да кто же она, Господи? Знакомая и не знакомая. Проследив, в какую дверь она вошла, он сразу же припомнил, что видел её совсем ещё юным подростком с косичкой за плечами. Ну надо же, как она расцвела, восхитился он.

Оказалось, что пристально всматривался не только он. На видного, крепко сложенного парня не против была глянуть и девушка. Однажды, проходя мимо этого же дома, он почувствовал на себе взгляд чьих-то скрытых глаз. Чьи это были глаза, тут же выдали, скрипнув, несмазанные петли двери. Оглянувшись, Еркебек увидел за калиткой улыбающуюся девушку и, незаметно махнул ей рукой, как калитка тут же захлопнулась. На обратном пути, он, глянув в чуть приоткрытую щель двери, не сразу смог определить есть ли кто там или нет, но всё же опять помахал рукой. В этот раз дверь не захлопнулась. Чуть смущаясь, опустив глаза, Гульжахан по пояс высунулась из-за неё и кивнула.

– Здравствуй, Гульжахан.

– Здравствуйте.

И хоть разговор и не пошёл дальше этих ничего не значащих коротких фраз, отчуждённость всё равно уже улетучилась и они всей душой потянулись друг к другу, желая встретиться ещё и ещё. Несмотря на то, что днём он очень уставал на работе, в ночное время уступал порыву молодости, пропадая на алтыбакане,¹ играя в аксуйек.²

Он, как и его сверстники, мог бы и семью завести и очаг свой разжечь, но тут с запада налетело лихо под названием

---

¹ *Алтыбакан* – название игры – качели, сооружённые из шести шестов.

² *Аксуйек* – вид игры – отыскать кость.

война и, подмяв под себя всё живое, сжигая, руша, она понеслась по земле. Едва поднявшийся из нужды аул стал провожать в район на призывной пункт своих парней и мужчин. Трудоспособные старики оказались в трудармии. В ауле остались старики да калеки, совсем ещё юные девчонки да подростки, ребятишки да бабы. Одни пошли в погонщики быков, а те, кто чуть пошустрее, взяли в руки вилы.

Оставшись среди них, Еркебек глянув на аул и его дома, так расстроился, что на глаза навернулись слёзы. Теперь он здесь один: и грузчик повозок, и молотобоец в кузне, и на току веяльщик зерна. Брался без разбора за самую тяжёлую работу, подставляя плечо там, где без него не могли справиться, а по вечерам падал замертво, даже не в силах выпить кисейку чаю, поданную ему его больной матерью.

Главный айгайшы¹ – баскарма² Кожбан. Уж он умел припереть и загнать ребятишек и баб, зная, что Еркебеку не нравился его такой характер. Но тот молчал, ничем не выдавая недовольства. А тот был не прочь подкатить и к Гульжахан, помогавшей в эти трудные минуты работающим на току подгрести зерно. Где бы ни был, обязательно повернёт коня в её сторону, подъедет и, сидя на коне, скалит зубы, пытаясь даже паясничать и неуместно балагурить. Однажды Гульжахан услышала и грубость:

– Да таких как ты девок мы не раз увозили, подмяв к лошадиному заду и ты не лучше их, – сказал он. Слышал это и Еркебек.

Вторым после баскармы был кривой Жядык. Этот даже в добрые времена, когда население всего аула было на месте, никогда из дома не выходил, всё как сурок в норе хоронился. Теперь же, как будто бы даже с удовольствием припадая на хромую ногу, поторапливал, стоя над душой, жутко сквернословя. То ли смерть жены ему на пользу пошла, но он сбрил свисающие на рот усы и вышел на люди посвежевший и бодрый. Без разбора кобчиком налетал он и на женщин в трауре, и на молодых, что были в печали и тоске, не давая покоя ни тем, ни другим.

– Да сгинь ты! – произнесла в сердцах однажды одна из женщин.

---

¹ Айгайшы – дословно, крикун, подгоняло.

² Баскарма – правление, управляющий.

– Жених нашёлся.

– Жених, да ещё какой стройный, – взяли его в оборот, открыто смеясь над ним и другие молодухи.

– Эй, эй, – нисколько не смущаясь, покрикивал Жядык.

– Эй! Да вы ещё побегаете за мной. Но вы мне ни к чему, когда вокруг вон сколько нежных да зрелых девок.

Молодухи смолкли. Что городит этот несчастный? Да здесь на всё село одна единственная девушка Гульжахан. Господи, что творится-то. Удивлённые, они, с недоумением пощипывая себя за лицо, медленно, не торопясь, вновь принялись за работу.

Ближе к обеду, когда зерно уже было ссыпано, и Еркебек перетаскивал мешки в склады, к нему пришла Гульжахан.

Только что вокруг неё ходил Жядык. Лицо девушки грустное.

– Вон тот вон Жядык, – едва начала она что-то рассказывать, но увидев сострадательный и ласковый взгляд Еркебека, рассмеялась. Разговор продолжился в другом русле. Вдруг откуда ни возьмись над ними раздался крикливый голос баскармы Кожбана. То и дело дёргая за узду быстроходного коня, он наотмашь хлещет его плёткой.

– И это я тебя трудягой считал... А тебе с девками поиграть захотелось. Людям хлеб нужен, а он тут, видите ли, шашни разводит.

Он хлестнул плёткой и Еркебека. Замахнулся было ещё раз, но тот перехватив, вырвал её и, переломив ручку пополам, выбросил. Не ожидавший такого отпора, Кожбан поперхнулся своими же бранными словами, что только что сыпались из его рта. Давно не видел Кожбан такого кошмара и ужаса, давно, с тех пор как будучи активистом сел на коня ещё в тридцатые годы. Вот и плеть пополам переломлена...

– Э, акен... Уничтожу... Сгною..., – услышал он и, кинулся вслед за Кожбаном. Промчавшись на коне по территории всего зернового тока, баскарма тряся, как взбешенный бура.¹

Затем дал ещё круг, продолжая кричать.

– А эту бесстыжую, что рядом с тобой, не я буду, если не отдам за старика, пусть сгинет имя моё, если не сделаю так.

---

¹ Бура – верблюд-самец.

Девушка, заплакав, пошла домой.

– Пропали, – встретила его со слезами на пороге больная мать.

– Господи, подумаешь, огрел бы плетью разок-другой, ну и что из этого? И зачем только ты связался с жестоким нечестивцем. В душе этого человека никогда не было ни жалости, ни милости, – причитала и женгей.

– Да ничего страшного, апа. Ну что он мне сделает. – успокаивал он мать, и тут же выговаривал женгей: – Где намыс,¹ где? Его самого бы надо плетью.

С приходом осени, стараясь изо всех сил, ребятишки и бабы всё-таки успели прибраться к зиме. Словно поджидая этот момент, тут же пришла и повестка о призыве Еркебека. Да ладно, была, не была, как люди, так и я, успокаивал он себя, готовясь на войну, но попал в трудармию. Там были многие не пригодные к службе: инвалиды, люди преклонного возраста, они и оставались трудиться в тылу. Пожилые, устроившиеся на нарах в общежитии, занимали места на нижних ярусах, тем, кто пошустрей, доставались третьи ряды. И Еркебек оказался в числе третьих.

Еда в основном была жидкая и постная. Но не время выбирать, всё лучшее отправлялось на фронт, туда, где шли кровопролитные, жестокие бои. Иногда похлёбка была такой жидкой, что и ложкой нечего зацепить, а людям лишь бы в животе не урчало. И одежда вся изнасилась в лохмотья. Зато работы вдоволь. Но тем не менее, есть возможность отдохнуть, выспаться. Так и зима прошла, уже середина лета. Всё бы ничего, но самым тяжёлым было для него отсутствие каких-либо вестей из родных краёв.

Сразу же по прибытию сюда он написал матери и Гульжахан, сообщив о своём местонахождении. “Живы-здоровы”, – ответили они. С тех пор – ни весточки. Сколько же писем он отправил. Устал уже. Земляк его из соседнего района уезжал домой по болезни, уж так Еркебек упрашивал его зайти, проведать мать, да черкнуть пару слов об их житье-бытье, но и от него нет ничего. В ожидании привета и осень прошла.

Как же там мать бедняжка? Его всегда тревожил один и тот же вопрос – жива ли она?

---

¹ Намыс – честь, стыд.

– Увижу ли я тебя? – горько плача, причитала она, провожая его.

Как только приходила мысль о безвестном положении матери, его настроение мгновенно портилось. А что же Гульжахан? Неужели злодей Кожбан исполнил свою ту самую угрозу? В ночь перед его отъездом она сказала ему: “Пиши почаще. Хоть сорок лет будет длиться война, я всё равно буду ждать от тебя весточку”. Гульжахан, Гульжахан... Вот уже год прошёл, а от неё ни листочка.

– Наверно, что-нибудь случилось, – думал он.

– Не может быть, – возражал внутренний голос.

Такое состояние Еркебека, конечно же, не скрылось от находившихся рядом. Они видели, как он худел и чах прямо на глазах. Им не раз доводилось видеть, как он сидел понуро опустив голову, в то время, когда ребята радовались, вместе читая письма из дому. А теперь он осунулся и весь пожелтел.

– Эй, да ты, случаем, не болен?

– Да здоров я, братья.

Тоска по дому стала совсем невыносимой. Он только и мечтал о небольшой весточке от родных. Надеясь, что хоть как-то облегчит свою душу, он даже побывал в семье казахов на окраине города, желая посидеть за дастарханом и попить чай из пиалы.

– Э, а я-то думала человек какой-то, – произнесла в их адрес хлопоча у самовара хозяйка и, даже не докончив фразу, замолчала, не скрывая пренебрежения к пришедшим.

В один из буранных дней он запрыгнул на товарный поезд и, преодолев половину пути, дальше пошёл пешком, надеясь на силу своих ног. Им руководило одно-единственное непоколебимое желание: увидеть родные края, успокоить мать, показаться перед Гульжахан и всё. Но к его дому не было даже следов, а на дверях висел огромный чёрный замок, при виде которого сердце парня так и оборвалось. Надеясь, что мать где-то здесь, обошёл все сараи и закутки.

– Апа, – окликнул он. В ответ тишина. Предчувствуя что-то неладное, он понуро побрёл к дому внучатого двоюродного брата. Открыв дверь, женгей потянула её за ручку и удивлённая попятилась:

– Ты жив? – наконец-то произнесла она. И вдруг громко запричитала, оплакивая мать Еркебека. Пролила слёзы и по без вести пропавшему мужу. И в этот холодный зимний вечер не было рядом ни одной души, кто бы мог успокоить эти два плачущих сердца. Обессилевшую, уставшую женгей он, придерживая, сам усадил поближе к печке.

– Апа твоя отошла в иной мир. Всё тебя ждала. Так и ушла, сожалея, что не повидалась с тобой. И тебе не довелось горсть земли бросить на её могилу, Жеке¹-жигит.

– А отчего же писем-то не писали?

– Ойбай-ау, Жеке-жигит, писали да ещё как! Да где ж они, сегодняшние почтальоны? Всему хозяева здесь Кожбан да кривой Жядык. Отправил, говорит, ваши письма, а от него ответа нет, ждите.

Еркебек вздрогнул. Япыр-ай, где же потерялись его письма? В месяц по два письма писал, а сколько их за год собралось! Как бы Кожбан не оказался замешан в этом, выходит, не забыл он тот случай, собака.

– А ведь нам однажды сказали, что ты умер, – робко произнесла женгей.

– Кто сказал?

– Да, сказали, умер, – тянула она с ответом, глядя на удивлённое лицо Еркебека. Да, как же можно было поверить, что вот такой здоровый, крепкий парень мог сгинуть. Но засомневались ведь. А Гульжахан тем более...

– А как же Гульжахан.., – было написано на лице Еркебека.

– Да пропади пропадом то, что выпало на её долю. Сказав, что ты умер, они приложили все усилия чтобы выдать ее за Жядыка, – говорила женгей, но, увидев осунувшееся, побледневшее лицо кайына,² осеклась.

– Да, да.

– Не верила она в твою смерть, но кто на это посмотрел. А тут ещё прочитали письмо какого-то рабочего, что вроде бы был рядом с тобой и видел, как обвалилась шахта и ты остался там. Видел бы ты, как она страдала тогда. Жаль было смотреть на неё.

---

¹ *Жеке жигит* – особый, не похожий на других /примеч. У казахов не принято называть по имени родственников мужа, поэтому женгей придумывают им ласковые прозвища/.

² *Кайын* – брат мужа.

– Ну, а что потом?

– А потом, – повторила женгей, но ничего больше не сказав, взяла кочергу и стала ворошить и без того хорошо горевший огонь. Затем вытерла слёзы уголком зелёного платка.

Внутри Еркебека всё похолодело. Он откинулся к стене и сидел, прислонившись к ней спиной. В голове сумбур. Вроде бы пьёт наливаемый женгей чай.

– Когда? – наконец-то выдал он из себя.

– Да всего лишь полмесяца назад.

Бедняжка Гульжахан, Гульжахан! Если бы он приехал хотя бы среди лета, такого позора и срама не случилось бы. А ведь чувствовал, что что-то неладное приключилось, как только перестал получать письма-весточки. И зачем только он потерял столько времени прозябая в бараке. Кого винить, сам оказался нерасторопным. Сам, только сам виноват и за пролитые слёзы девушки, и за все другие неудачи.

– Ой, Жеке-жигит, – окликнула его женгей, начиная рассказывать новую историю. – В то время, когда весь народ поднялся на защиту Отечества от врага, когда даже те, кто не то что ружьё, даже кочергу не в состоянии удержать и те на коней, эти же, как ошаган¹ цепляясь за подол женщин, теряют своё достоинство. У таких и дела такие же, не в пользу. Что толку теперь, если он и вернёт её тебе?

– Э..., – произнёс Еркебек, лишь бы не молчать.

– Ты же знаешь Коншы аксакала из соседнего колхоза, да тот самый с даром акына.² Так вот даже этот аксакал несмотря на возраст, и то людям пользу несёт – овец пасёт. Как-то прибыл к ним в аул баскарма с нагловатым представителем каким-то. И остались с ночевкой. Ой позор-то какой! Самого Кеншеке они отправили овец сторожить, а сами с двумя молодухами пробыли. Вот тогда Кеншеке разозлился и сердито высказал им:

– Не о серой овце пекусь, а жаль было слышать крик молодой тёмно-бурой, словно по сердцу боль прошла. А эта тёмно-бурая скорее всего была его родной снохой.

---

¹ *Ошаган* – колючка, дослов. – дурнушник – колючее растение.

² *Акын* – поэт-импровизатор.